

Планета Ка-Пэкс

Автор:

[Джин Брюэр](#)

Планета Ка-Пэкс

Джин Брюэр

От битника до Паланика

Когда в нью-йоркской психиатрической больнице появляется новый пациент, никто не сомневается, что там ему самое место, ведь он утверждает, что прибыл с далекой планеты, где царит полная гармония. Впрочем, это его единственная странность – в остальном это здравомыслящий, интеллигентный и приятный человек, который меняет к лучшему жизнь всех, кто его окружает.

Невероятная история прота – пациента психиатрической больницы, называющего себя пришельцем с далекой планеты КА-ПЭКС, – и талантливого психиатра, который пытается излечить загадочного безумца.

Сколь тонка грань, отделяющая фантазию от сумасшествия, а сумасшествие – от чуда?

Джин Брюэр

Планета Ка-Пэкс

© Gene Brewer, 1995

© Перевод. Е. Золот-Гасско, 2022

* * *

Когда нам удастся вылечить пациента, мы испытываем прилив радости от того, что помогли страдальцу, которому повезло, что он попал именно к нам. Но еще мы испытываем тайную радость от того, что нам довелось близко познакомиться с этим человеком и благодаря ему глубже понять самих себя.

Сильвано Ариети

Пролог

В апреле 1990 года из психиатрической больницы Лонг-Айленда мне позвонил доктор Уильям Сигел. Билл – выдающийся врач и мой старинный приятель. На этот раз он позвонил мне исключительно по делу.

Речь шла о пациенте, которого Билл лечил уже несколько месяцев. Этого пациента, белого мужчину, чуть старше тридцати, привезла в больницу полиция, которая подобрала его на центральной автобусной станции Порт-Осорити в центре Манхэттена, где он стоял, склонившись над жертвой уличного ограбления. Согласно полицейскому отчету, человек этот на все заданные ему вопросы отвечал однозначно: «Даффи», – и тогда полиция задержала его и отвезла на медицинскую экспертизу в больницу Белвью.

И хотя задержанный был несколько истощен, медицинский осмотр не выявил ни физических отклонений от нормы, ни нарушения мыслительного процесса, ни афазии[1 - Объяснение этого и некоторых других малоизвестных слов дано автором в словаре в конце книги. – Здесь и далее примеч. пер.], ни слуховых галлюцинаций – человек этот производил впечатление почти нормального. Правда, у него обнаружилась некая странная мания: он считал себя пришельцем с другой планеты. После нескольких дней наблюдения больного перевели в больницу на Лонг-Айленде, где он и провел следующие четыре месяца.

Биллу не удалось ничем ему помочь. Хотя пациент охотно участвовал в предложенных ему всевозможных курсах лечения и живо на все реагировал, ни одно из самых сильных психиатрических средств на него не подействовало. По окончании лечения он все так же был твердо убежден в том, что он пришелец с планеты КА-ПЭКС. Более того, ему удалось убедить в этом многих других пациентов больницы. Даже кое-кто из персонала стал к нему прислушиваться!

Зная, что я давно интересуюсь феноменологией маниакальных состояний, Билл попросил меня попробовать разобраться с этим пациентом.

Худшего времени для подобной просьбы просто было не найти. Я тогда исполнял обязанности директора Манхэттенского психиатрического института, был завален делами по горло и с января потихоньку сворачивал работу с пациентами. Однако случай этот показался мне необычным и занятным, к тому же я был Биллу кое-чем обязан. Я попросил его прислать мне историю болезни пациента.

Историю болезни прислали, но я так погряз в административных обязанностях, что лишь спустя несколько дней обнаружил ее на своем письменном столе под грудой папок с личными делами и финансовыми отчетами. Вновь охваченный смятением от одной мысли о новом пациенте, я бегло ее просмотрел. И хотя, судя по ней, наш «инопланетянин» казался рассудительным и умел четко выражать свои мысли, а также имел вполне здоровое представление о времени и пространстве, он был совершенно не способен представить какую-либо вразумительную информацию о своем истинном происхождении и прошлом. Короче говоря, он не только страдал бредовыми идеями, но еще и потерей памяти! Я позвонил Биллу и попросил его организовать перевод этого безымянного человека, именовавшего себя «прот» (с маленькой буквы), в мой институт.

Он прибыл в первую неделю мая, и мое предварительное собеседование с ним было назначено на среду девятого мая, в час, обычно отведенный мною для подготовки курса лекций о принципах психиатрии, которые я читал в Колумбийском университете. А потом он приходил ко мне раз в неделю в течение нескольких месяцев. Я проникся к этому пациенту необычайной симпатией и уважением, что, надеюсь, станет очевидным из моего дальнейшего рассказа.

Несмотря на то что результаты наших встреч отражены в научной литературе, я решил написать о них более личностный рассказ не только потому, что, с моей точки зрения, они могут представить интерес для широкого читателя, но и потому, что они (перефразируя доктора Ариети), помогли мне лучше понять самого себя.

Беседа первая

Когда он впервые зашел в мой кабинет, я подумал, что он похож на спортсмена-футболиста[2 - Имеется в виду американский футбол, для игры в который требуется крепкое, массивное тело.] или борца. Ростом он был чуть ниже среднего, коренастый, смуглый, может быть, даже с примесью мулатской крови. Волосы у него были густые и иссиня-черные. На нем были синие вельветовые брюки, джинсовая рубашка и парусиновые туфли. В первые наши встречи я не мог разглядеть его глаз, так как он, несмотря на мягкий свет в моем кабинете, всегда был в темных очках.

Я попросил его сесть. Он безмолвно подошел к черному, искусственной кожи креслу и уселся в него. Держался он спокойно, ступал бодро, и движения его были хорошо скоординированы. Вид у него был безмятежный.

Я отпустил санитаров. Открыв папку, я записал в чистом желтом блокноте дату. Он пристально следил за мной, не скрывая легкой усмешки. Я спросил его, удобно ли он себя чувствует и не хочется ли ему чего-нибудь. К моему удивлению, он попросил яблоко. Голос у него был мягкий, но чистый, и без всякого иностранного или регионального акцента. Я звонком вызвал главную медсестру Бетти Макалистер и попросил ее узнать, есть ли на кухне яблоки.

Пока мы ждали яблок, я просмотрел отчет о его обследовании: согласно заключению нашего главного врача доктора Чакраборти, температура, пульс, кровяное давление, электрокардиограмма и показатели крови – без отклонений. Зубы здоровы. Результаты неврологического осмотра (мышечная сила, координация, рефлексy и мышечный тонус) тоже оказались в норме. Аналитические способности – в полном порядке. Никаких проблем с визуальным восприятием, слухом, ощущением холода, тепла и легких прикосновений, описанием картинок, копированием фигур. Никаких трудностей при

отгадывании загадок и решении сложных проблем. Пациент рассуждал логично, демонстрировал сообразительность и наблюдательность. И был здоров как лошадь, если не считать его бредового состояния и полной потери памяти.

Пришла Бетти и принесла два больших яблока. Посмотрела на меня, спрашивая позволения, и протянула их больному. Он взял их с маленького подноса.

– «Ред делишес»! – воскликнул он. – Мои любимые!

Предложил нам попробовать, мы отказались, и тогда он с шумом откусил большой кусок. Я отпустил мою ассистентку и принялся наблюдать, как «прот» поглощал фрукты. В жизни не видел, чтобы кто-либо получал от еды подобное удовольствие. Он съел оба яблока до последнего кусочка, включая семена. А доев, произнес:

– Спасибо и еще раз спасибо.

И, сложив руки на коленях, словно маленький мальчик, принялся ждать, когда я начну беседу.

Хотя психиатрические интервью обычно на пленку не записываются, мы в МПИ часто это делаем для исследований и преподавательских целей. Так что перед вами запись нашей первой встречи, время от времени перемежаемая моими наблюдениями. Как обычно, во время моего первого интервью я наметил просто побеседовать с пациентом: познакомиться с ним и расположить его к себе.

– Скажите мне, пожалуйста, как вас зовут?

– Да.

«Что это? – подумал я. – Свидетельство чувства юмора?»

– Как вас зовут?

– Меня зовут прот. – Правда, произнес он это скорее как «проут».

– Это ваше имя или ваша фамилия?

– Это мое полное имя. Я – прот.

– Вы знаете, где вы находитесь, мистер прот?

– Просто прот. Да, конечно. Я в Манхэттенском психиатрическом институте.

Со временем я обнаружил, что прот пишет заглавными буквами названия планет, звезд и т. п., в то время как имена людей, названия учреждений и даже стран он пишет строчными. Поэтому для достоверности и чтобы точнее передать характер моего пациента, я тоже использовал в своем докладе его манеру.

– Хорошо. А вы знаете, кто я?

– Вы похожи на психиатра.

– Правильно. Я – доктор Брюэр. Какой сегодня день недели?

– А-а. Вы исполняющий обязанности директора. Среда.

– Так. А какой сейчас год?

– Тысяча девятьсот девяностый.

– Сколько пальцев я вам показываю?

– Три.

– Очень хорошо. А теперь, мистер... простите меня... прот, знаете ли вы, почему вы находитесь здесь?

– Конечно. Вы думаете, что я сумасшедший.

– Я предпочитаю термин «больной». А вы считаете, что вы больной?

– Если я болею, то только тоской по дому.

– А где ваш дом?

– КА-ПЭКС.

– Капэкс?

– «К», «А», дефис, «П», «Э», «К», «С». КА-ПЭКС.

– С заглавной буквы «К»?

– Они все заглавные.

– А-а. КА-ПЭКС. Это остров?

Тут он улыбнулся, явно понимая, что мне уже известно о том, что он считает себя пришельцем из другого мира.

– КА-ПЭКС – планета, – сказал он просто и добавил: – Не волнуйтесь, я не собираюсь выскакивать...

Я улыбнулся ему в ответ.

– А я и не волновался. Где же находится КА-ПЭКС?

Он вздохнул и терпеливо покачал головой.

– Около семи тысяч световых лет отсюда. Она в СОЗВЕЗДИИ, которое вы называете ЛИРА.

– Как вы попали на Землю?

– Это не так-то просто объяснить...

Тут я записал в своем блокноте любопытное наблюдение: хотя мы провели вместе всего несколько минут, я начинал потихоньку раздражаться его явной

снисходительностью, несмотря на то, что был опытным психиатром. «Ну, это мы еще посмотрим», – сказал я про себя.

– Речь идет всего лишь об использовании энергии света. Наверное, в это несколько трудно поверить, но такое возможно с помощью зеркал.

Он, конечно, надо мной подшучивает, но шутка неплохая. Я подавил смешок.

– Вы передвигаетесь со скоростью света?

– О нет! Мы передвигаемся во много раз быстрее. Скорость, помноженная на самые разные числа. В противном случае мне было бы по крайней мере семь тысяч лет, верно?

Я заставил себя улыбнуться ему в ответ.

– Очень интересно, – сказал я. – Но если мне не изменяет память, согласно Эйнштейну, ничто не может передвигаться быстрее скорости света, или ста восьмидесяти шести тысяч миль в секунду.

– Вы не поняли эйнштейна. Он сказал, что ничто не может ускориться до скорости света, так как тогда масса этого предмета станет неопределенной. Эйнштейн словом не упомянул о том, что уже передвигалось со скоростью света или быстрее.

– Но если ваша масса становится неопределенной, когда вы...

Его ноги плюхнулись на мой письменный стол.

– Во-первых, доктор брюэр... можно я буду называть вас джин?.. если бы это и было так, тогда бы и у фотонов была неопределенная масса, верно? Более того, со скоростью тахиона...

– Тахиона?

– Частицы, движущейся со скоростью выше, чем скорость света. Можете проверить в справочниках.

– Спасибо. Проверю. – В записи мой ответ прозвучал довольно-таки раздраженно. – Если я правильно вас понял, то вы прилетели не на космическом корабле. Вас вроде как «подбросили» на световом луче.

– Можно это назвать и так.

– Сколько времени у вас заняло добраться с вашей планеты до Земли?

– Фактически нисколько. Тахионы движутся быстрее света, и поэтому назад во времени. Для путешественника время, конечно, проходит, и он становится старше, чем до полета.

– Сколько же времени вы пробыли уже на Земле?

– Четыре года и девять месяцев. Это ваших четыре года.

– И сколько же вам тогда сейчас лет? В земном измерении, конечно?

– Триста тридцать семь.

– Вам триста тридцать семь лет?

– Да.

– Хорошо. Расскажите мне, пожалуйста, еще немного о себе.

Хотя я и понимал, что рассказ этого человека далек от реальности, я не стал отступать от стандартной практики психиатров допытывать потерявших память пациентов в надежде получить у них хоть какую-нибудь правдивую информацию об их истинном прошлом.

– Вы имеете в виду то, что было со мной до того, как я попал на ЗЕМЛЮ? Или...

– Давайте начнем со следующего: как так случилось, что путешествовать с вашей планеты на нашу выбрали именно вас?

Теперь уже мой пациент смотрел на меня с откровенной улыбкой. И хотя она казалась вполне невинной, возможно, даже простодушной, я вдруг почувствовал, что лучше уж мне уткнуться взглядом в папку с его делом, чем лицезреть его «чеширскую» физиономию в темных очках.

– «Выбран», – начал он. – Это специфическое понятие у людей.

Я поднял на него глаза и увидел, как он скребет подбородок и изучает потолок в поисках нужных слов, чтобы объяснить свои утонченные мысли такому простаку, как я. И вот что он подобрал для меня.

– Просто мне захотелось прилететь, и теперь я здесь.

– Всякий, кому захотелось прилететь на Землю, может сделать это?

– На планете КА-ПЭКС – всякий. И на других ПЛАНЕТАХ – тоже.

– С вами прилетел кто-то еще?

– Нет.

– Почему вам захотелось полететь на Землю?

– Из чистого любопытства. Насколько видно и слышно из космоса, ЗЕМЛЯ – необычайно живое место. И к тому же это ПЛАНЕТА класса III-B.

– А это что значит?..

– Значит, что она находится на ранних стадиях развития и будущее ее неопределенно.

– Понятно. Это ваше первое путешествие на нашу планету?

– О нет! Я уже был здесь много раз.

– Когда же вы были впервые?

- В тысяча девятьсот шестьдесят третьем году, по вашему календарю.
- А кто-нибудь еще с КА-ПЭКСа прилетал к нам?
- Нет, я – первый.
- Это хорошо.
- Почему?
- Скажем так: многих людей это могло бы повергнуть в ужас.
- Почему же это?
- Если вы не против, давайте сегодня говорить о вас. Согласны?
- Если вам так хочется.
- Хорошо. А теперь скажите: где еще вы побывали? Я имею в виду, во Вселенной.
- Я побывал на шестидесяти четырех ПЛАНЕТАХ в пределах нашей ГАЛАКТИКИ.
- И на скольких из них вы обнаружили жизнь?
- Да на всех. Безжизненные ПЛАНЕТЫ меня не интересуют. Конечно, есть у нас такие, кого интересуют горные породы, разные виды климата и...
- Значит, шестьдесят четыре планеты с живыми разумными существами?
- Все живое разумно.
- Так, а на скольких из них живут такие же, как мы, люди?
- Пока что из всех ПЛАНЕТ, на которых я побывал, ЗЕМЛЯ – единственная, где обитают homo sapiens. Но мы знаем, что есть еще несколько тут и там.

– С разумными существами?

– Нет, с человеческими существами. ПЛАНЕТЫ, на которых есть жизнь, исчисляются миллионами, возможно, миллиардами. Разумеется, мы не посетили их все. Это лишь по приблизительным подсчетам.

– Под «мы» вы подразумеваете жителей КА-ПЭКСа, да?

– КАПЭКСиан, НОЛЛиан, ФЛОРИан...

– Это другие народы, населяющие вашу планету?

– Нет. Это обитатели других миров.

Большинство людей, страдающих манией, настолько сбиты с толку, что обычно, пытаясь ответить логично на сложные вопросы, заикаются или без конца запинаятся. Этот же не только продемонстрировал знание в самых различных малоизвестных областях, но и уверенно сплел убедительный рассказ. Я черкнул в блокноте, что, вероятно, он ученый, возможно, физик или астроном, и сделал пометку в дальнейшем разузнать, насколько хорошо он осведомлен в этих областях. Но сейчас мне хотелось хоть что-нибудь узнать о его детстве.

– Если вы не против, давайте вернемся немного назад. Мне хотелось бы, чтобы вы рассказали мне что-нибудь о самой планете КА-ПЭКС.

– Разумеется, КА-ПЭКС несколько больше вашей ПЛАНЕТЫ, размером примерно с НЕПТУН. Он прекрасен, так же как и ЗЕМЛЯ с ее разнообразием и многоцветием. Но КА-ПЭКС тоже красив, особенно когда КА-МОН и КА-РИЛ находятся в противостоянии.

– Что такое КА-МОН и КА-РИЛ?

– Это наши два СОЛНЦА. Те, что вы называете АГАПЭ и САТОРИ. Одно из них намного больше вашего, а другое меньше, но оба они дальше от нашей ПЛАНЕТЫ, чем ваше СОЛНЦЕ от вашей. КА-МОН – красного цвета, а КА-РИЛ – синего. Но из-за того, что наши орбитальные структуры крупнее и сложнее, периоды света и тьмы у нас длиннее, а вариации их слабее. Так что на КА-ПЭКСе

большая часть времени – сумерки. Каждый, кто попадает в ваш МИР, сразу же замечает, какой он яркий.

– Поэтому вы и носите темные очки?

– Естественно.

– Я хотел бы пояснить для себя кое-что из сказанного вами.

– Разумеется.

– Мне кажется, вы сказали, что пробыли на Земле четыре года и... хм... сколько-то месяцев.

– Девять.

– Да, девять. Так вот, мне бы очень хотелось знать, где вы жили все эти четыре или пять лет.

– Везде.

– Везде?

– Я путешествовал по всему вашему МИРУ.

– Понятно. А где вы начали ваше путешествие?

– В заире.

– Почему в Заире? Это ведь в Африке, да?

– Заир в то время был обращен в сторону КА-ПЭКСа.

– И сколько вы там пробыли?

– В общей сложности недели две. Достаточно для того, чтобы ознакомиться с этой землей, встретиться с ее существами. Там все красивы, особенно птицы.

– Хм... А на каких языках говорят в Заире?

– Вы имеете в виду людей, я полагаю?

– Да.

– Помимо четырех официальных языков и французского, там еще говорят и на невероятном количестве местных диалектов.

– Можете сказать что-нибудь по-заирски? Не важно, на каком диалекте.

– Разумеется. Ма-ма кота рампун.

– И что это значит?

– Это значит: твоя мама горилла.

– Спасибо.

– Не за что.

– А потом куда вы отправились? После Заира.

– Разъезжал по всей африке. Потом отправился в европу, азию, австралию, антарктику и наконец в америки.

– И сколько стран вы посетили?

– Все, кроме восточной канады, гренландии и исландии. Туда я отправлюсь в последнюю очередь.

– Все... так что... сотню стран?

- На сегодняшний день скорее две сотни, но похоже, что это может измениться в любую минуту.
- И вы говорите на всех языках?
- Понемногу – достаточно, чтобы общаться.
- А как вы путешествуете? Разве вас не останавливают на границе?
- Я же сказал: это трудно объяснить...
- Вы хотите сказать: с помощью зеркал.
- Точно.
- Сколько же занимает у вас перебраться из страны в страну, передвигаясь со скоростью света или многократной скоростью света, которой вы пользуетесь?
- А нисколько.
- Ваш отец любит путешествовать? – Я заметил некое замешательство при упоминании отца прота, но никакой сильной реакции не последовало.
- Полагаю, что да. Большинство КАПЭКСиан любят путешествовать.
- Так он путешествует? А кем он работает?
- Он не работает.
- А ваша мать?
- Что моя мать?
- Она работает?

- Почему это она должна работать?
- Значит, они оба ушли на пенсию?
- Ушли с чего?
- С той работы, на которой они зарабатывали деньги. А сколько им лет?
- Наверное, где-то около семисот.
- Тогда, конечно, они не работают.
- Они вообще никогда не работали.

Пациент явно считал своих родителей неудачниками, и по тому, как он выражался о них, ясно было, что в глубине души он питает к ним неприязнь, а может быть, даже и ненависть, и не только к отцу (что случается нередко), но и к матери (сравнительно редко у мужчин).

Прот продолжал:

- На КА-ПЭКСе никто не «работает». «Работа» - это понятие, принятое у людей.
- Так что, у вас никто ничего не делает?
- Вовсе даже нет. Ведь когда ты делаешь то, что тебе нравится, это не работа, правда? - Прот расплылся в улыбке. - Вы же не считаете то, что вы делаете, работой?

Это вызывающее замечание я пропустил мимо ушей.

- Давайте немного позднее еще раз поговорим о ваших родителях, хорошо?
- Почему бы и нет.

– Договорились. А теперь, прежде чем мы двинемся дальше, мне хотелось бы кое-что прояснить.

– Все, что хотите.

– Тогда вот что: как вы объясните, что, будучи пришельцем из космоса, вы выглядите совсем как земной человек?

– Почему мыльный пузырь круглый?

– Не знаю. Почему?

– Для образованного человека, вы многого не знаете, не правда ли, джин? Мыльный пузырь круглый, потому что его конфигурация энергетически наиболее эффективная. Подобным же образом многие существа во ВСЕЛЕННОЙ выглядят так, как мы.

– Понятно. Да, ранее вы упомянули, что... м-м... «насколько видно и слышно из космоса, ЗЕМЛЯ – необычайно живое место». Что вы имели в виду?

– Ваши теле- и радиоволны распространяются с ЗЕМЛИ во всех направлениях. Вся ГАЛАКТИКА слышит и видит все то, что вы говорите и делаете.

– Но эти волны движутся со скоростью света, не правда ли? Так что они не могли еще достичь КА-ПЭКСа.

Он снова вздохнул, на этот раз громче прежнего.

– Часть энергии переходит в более высокие обертоны, не слышали, что ли? Именно поэтому и возможно движение света. Разве вы не учили физику?

Я тут же вспомнил своего несчастного учителя по физике, который очень старался вбить всю эту информацию в мою голову. И еще я почувствовал, что мне жутко хочется курить, хотя я не брался за сигарету уже много лет.

– Верю вам на слово, мист... э... прот. Еще один вопрос: почему вы путешествуете во Вселенной совсем один?

– А вы бы отказались, если б у вас была такая возможность?

– Кто знает, может быть, и нет. Но я-то имел в виду другое: почему вы это делаете один?

– Именно поэтому вы считаете меня сумасшедшим?

– Вовсе нет. Но разве не становится одиноко, когда путешествуешь столько лет подряд – четыре года и восемь месяцев – в космосе?

– Нет. И потом, я не был в космосе так долго. Я здесь был четыре года и девять месяцев.

– Сколько же времени вы были в космосе?

– Я состарился на семь ваших месяцев, если вы это имели в виду.

– И все это время у вас не было потребности с кем-то поговорить?

– Нет.

Я записал в блокноте: «Пациент питает неприязнь ко всем».

– А чем вы все это время занимались?

Он замотал головой:

– Джин, вы не понимаете. Во время путешествия я хоть и состарился на семь ЗЕМНЫХ месяцев, мне они показались мгновением. Время деформировалось и текло со сверхсветовой скоростью. Другими словами...

Тут я почувствовал себя непростительно раздраженным и перебил его:

– Кстати, о времени: наше на сегодня истекло. Продолжим разговор на следующей неделе?

– Как скажете.

– Хорошо. Сейчас вызову мистера Ковальского и мистера Дженсена, и они проводят вас назад в палату.

– Я знаю дорогу.

– Если вы не против, я все-таки вызову их. В больнице так уж заведено. Я уверен, что вы понимаете.

– Отлично понимаю.

– Вот и хорошо.

Через минуту явились санитары, и пациент, почтительно кивнув мне при выходе, пошел вместе с ними. К своему удивлению, я обнаружил, что весь покрыт каплями пота. Помню, как, выключив магнитофон, я направился к термостату проверить температуру в комнате.

Пока магнитофонная пленка прокручивалась назад, я начисто переписал начерканные во время интервью наблюдения в историю болезни прота, упомянув в них о своей неприязни к его, по моему мнению, высокомерной манере поведения. После этого положил черновые записи в отдельный ящик, уже набитый подобного рода бумагами. Потом прослушал кусок пленки и добавил замечание о том, что у пациента не было и следа акцента или диалекта. К своему изумлению, я слушал его мягкий и довольно приятный голос без всякого раздражения. Похоже, дело было в его манере себя вести... И тут меня осенило: его самонадеянная, ироническая, кривая улыбка напоминала моего отца.

Мой отец был перегруженный работой провинциальный доктор. Его единственным временем отдыха – если не считать полуденные часы в субботу, когда он ложился на диван с закрытыми глазами и слушал радиотрансляции из Метрополитен-опера, – было время ужина, когда он выпивал один стакан вина – не больше и не меньше – и в своей бесцеремонной манере поведывал моей матери и мне об инфарктах и стригущих лишаях прошедшего дня в подробностях, без которых мы, наверное, вполне могли бы прожить. После этого

он обычно возвращался в больницу и навещал на дому своих пациентов. И если мне не удавалось придумать стоящую отговорку, он брал меня с собой, ошибочно предполагая, что я получаю такое же, как он, удовольствие от всех этих мерзких звуков и запахов, не говоря уже о кровотечениях и рвоте. Именно бесчувственность и высокомерие, которые я терпеть не мог в моем отце, так раздражали меня во время моей первой встречи с человеком, называвшим себя «прот».

Но я решил – как делал всегда, когда случалось что-либо подобное, – не позволять своей личной жизни вторгаться в мой медицинский кабинет.

В электричке по пути домой я стал размышлять о том, о чем часто задумываюсь, когда попадается сложный или необычный случай, – о человеке и реальности. К примеру, мой новый пациент или Рассел, наш больничный Иисус Христос, да и тысячи других вроде них живут в своем собственном мире, столь же реальном для них, как наш мир для нас. Кажется, что понять это совсем нелегко, но так ли это? Я уверен, что хоть раз в жизни каждый из тех, кто сейчас читает мое повествование, был до того захвачен фильмом или романом, что совершенно «отключался» от реальности. Сны и даже мечты могут часто казаться реальностью, так же как и события, вспомнившиеся под гипнозом. И кто в подобных случаях может сказать: это – реальность, а это – нет?

Трудно даже представить, какие необыкновенные поступки способны совершить люди с серьезными психическими расстройствами, живя в своем иллюзорном мире. Например, «зацикленные ученые», целиком и полностью сосредоточенные на одной узкой области. Неспособные функционировать в нашем обществе, подобного рода люди «удаляются» в такие уголки мозга, куда большинству из нас и хода нет. Они способны на такое в математике или музыке, что нам и не снилось. Разве мы до конца понимаем человеческий разум? Стоит делу дойти до того, как человек учит, запоминает, думает, – мы все еще в потемках. Если в череп Вагнера пересадить мозг Эйнштейна, станет этот человек Эйнштейном? Или еще того пуще – пересади полмозга Эйнштейна Вагнеру и наоборот, кто из них будет Эйнштейном, а кто Вагнером? Или каждый из них станет кем-то посередине? А как насчет тех, у кого шизофрения? Какая из их личностей настоящее «я»? Или каждый раз они становятся другой личностью? А может быть, мы все в разное время – разные личности? Может, это и объясняет наши перемены настроения? А когда мы видим, что кто-то разговаривает сам с собой, с кем он разговаривает? Слышали, наверное, как люди говорят: «Я последнее

время сам не свой»? Или: «Ты не тот, за кого я выходила замуж!» А как насчет благочестивых проповедников и их тайной сексуальной жизни? Неужели каждый из нас доктор Джекил и мистер Хайд?

Пожалуй, решил я, стоит задержаться немного на воображаемой жизни прота на его воображаемой планете и таким образом узнать о его прошлом: о том, откуда он родом, чем занимался. Возможно, даже удастся установить его настоящее имя! И тогда мы сможем найти его семью и друзей и не только успокоить их, сообщив, что он здоров и где он находится, но и с их помощью докопаться до причины и сути его странных конфабуляций. Я почувствовал то легкое возбуждение, свойственное мне в начале любого трудного случая, когда впереди столько непредсказуемого. Кто этот человек? Какие «инопланетянские» мысли бродят в его голове? Удастся ли нам вернуть его на Землю?

Беседа вторая

Я всегда стараюсь создать в своем медицинском кабинете как можно более приятную атмосферу: стены крашу в оптимистичные пастельные тона, вешаю на стены картины с лесными пейзажами, устанавливаю мягкий, отраженный свет. И никакой кушетки. Мы с пациентом сидим друг напротив друга в удобных креслах. А часы висят на стене у выхода так, чтобы пациенту они не были видны.

До того как идти на второе интервью с протом, я решил просмотреть записи, сделанные миссис Трекслер во время ее первой с ним беседы. Миссис Трекслер работала в институте с незапамятных времен, и всем было известно, что именно она и никто другой заправляет у нас делами. «Совершенно чокнутый», – бросила она (хоть я ее мнения и не спрашивал) и шлепнула отпечатанную копию на мой письменный стол.

Я посмотрел в справочнике и обнаружил, что, как и утверждал прот, тахионы – это частицы, движущиеся быстрее света. Однако частицы эти называли гипотетическими и доказательств, что они действительно существуют, пока не было. Еще я попытался проверить заирский язык, но не смог найти никого, кто бы говорил хоть на одном из его двухсот диалектов. Так что, несмотря на свою последовательность, рассказ прота все-таки оставался проблематичным.

Работая с пациентом, психоаналитик старается завоевать его доверие, стать его партнером. При этом он обычно опирается на ту малую толику понимания реальной действительности, которую пациенту удалось сохранить, на остаток его здравого смысла. Но этот человек был абсолютно лишен всякого представления о реальности. Его так называемое путешествие вокруг света давало некое основание предположить, что его прошлая жизнь была как-то связана с поездками по миру, но даже и в этом никакой уверенности не было: все эти сведения он мог прочитать в библиотеке или увидеть по телевидению, скажем, в программе кинопутешествий. Я сидел и размышлял: за что бы зацепиться, чтобы проникнуть к проту в душу, – и тут как раз его ввели в кабинет.

На нем были все те же синие вельветовые брюки, те же темные очки, а на лице – все та же знакомая улыбка. Но последнее больше меня не раздражало, ведь в тот прошлый раз дело было вовсе не в нем, а во мне. Перед началом разговора он попросил несколько бананов и предложил один из них мне. Я отказался и принялся ждать, пока он поглотит их все – вместе с кожурой.

– Уже из-за одних ваших фруктов, – сказал он, – стоило сюда прилететь.

Мы поболтали немного о фруктах. Он, например, напомнил мне, что своими характерными запахами и вкусом они обязаны химическим веществам под названием «сложные эфиры». Потом мы сделали короткий обзор его первого интервью. Прот подтвердил, что прилетел на Землю примерно четыре года и девять месяцев назад, что передвигался он с помощью света и т. д. Теперь я еще узнал, что КА-ПЭКС окружен семью фиолетовыми лунами.

– Ваша планета, должно быть, очень романтическое место, – заметил я.

И тут он сделал нечто такое, чего ни один из моих пациентов за все тридцать лет моей психоаналитической практики ни разу не делал: он вынул из нагрудного кармана карандаш и маленький красный блокнот и стал в нем записывать свои собственные наблюдения! Позабавленный происшедшим, я спросил его, что же он пишет. Он ответил, что ему кое-что пришло на ум и он хотел бы добавить это к своему отчету. Тогда я полюбопытствовал, какого рода этот «отчет». Прот сказал, он завел обычай составлять описание мест, которые он посетил в Галактике, и встреченных им там существ. Таким образом, получалось, что пациент изучал врача! На этот раз улыбнулся я.

Ни в коем случае не желая препятствовать его работе, я не стал просить его показать написанное, хотя мне и было более чем любопытно. Вместо этого я попросил его рассказать что-нибудь о его детстве на КА-ПЭКСе (то есть на Земле).

И прот начал так:

– Район, где я родился, а надо сказать, что на КА-ПЭКСе мы рождаемся, точно как вы, и процесс рождения почти такой же, только... пожалуй, лучше поговорим об этом позже...

– А почему бы нам не поговорить об этом сейчас?

Он смолк, словно захваченный врасплох, но тут же пришел в себя. Правда, улыбка его исчезла.

– Как хотите. Насколько вам уже известно из моего медицинского осмотра, наше анатомическое устройство почти такое же, как ваше. Физиология тоже сходная. Но в отличие от земного процесс размножения весьма неприятен.

– Из-за чего же он так неприятен?

– Это очень болезненная процедура.

«Ага, – подумал я, – похоже, кое-что начинает проясняться. Мистер прот, скорее всего, страдает сексуальными страхами или какой-то дисфункцией». И я тут же кинулся по следу:

– Эта боль связана с самим половым актом, с эякуляцией или с достижением эрекции?

– Она связана целиком со всем процессом. В то время как все эти акты вызывают у таких, как вы, удовольствие, у нас они вызывают совершенно противоположные ощущения. Это относится к существам и мужского и женского пола и, кстати, к множеству разных других существ в ГАЛАКТИКЕ.

– А вы не могли бы сравнить эти ощущения с какими-либо другими, которые были бы мне знакомы и понятны? Это нечто вроде зубной боли или...

– Скорее, такое, словно ваши гонады зажали в тиски, с тем лишь различием, что болит все тело. Видите ли, на КА-ПЭКСе боль носит более общий характер, и, что еще того хуже, она вызывает нечто вроде вашей рвоты, да еще с отвратительным запахом. В самый кульминационный момент вас точно бьют ногой в живот, и вы будто сваливаетесь в омут с дерьмом мота.

– Вы сказали «с дерьмом мота»? А кто такой «мот»?

– Животное, наподобие вашего скунса, только еще почище.

– Понятно. – И я непростительно засмеялся. Образ этого животного на фоне неожиданно посерьезневшего, в темных очках, прота... Но как говорится, это надо видеть. И тут прот широко улыбнулся, очевидно догадавшись, как я себе все это представил. А я наконец справился со смехом и продолжал: – Так вы говорите, что женщины чувствуют то же самое, что и мужчины?

– Абсолютно то же самое. Представьте себе, что женщины на КА-ПЭКСе не очень-то стремятся к оргазму.

– Если опыт настолько ужасен, как же вы размножаетесь?

– Вроде ваших дикобразов – с невероятной предосторожностью. Что и говорить, перенаселенность нам не грозит.

– А как насчет хирургической имплантации?

– Вы неправильно понимаете сам феномен. Надо ведь учесть то, что продолжительность жизни у наших жителей тысячу ваших лет, так что нет особой нужды в рождении детей.

– Понятно. Хорошо. А теперь давайте вернемся к вашему собственному детству. Расскажите мне, пожалуйста, как вы росли. Какими были ваши родители?

– Это не очень просто объяснить. Жизнь на КА-ПЭКСе сильно отличается от жизни на ЗЕМЛЕ. Для того чтобы вам понятнее было мое прошлое, я расскажу вам о нашей эволюции. – И тут он смолк, точно раздумывая, интересно ли мне будет услышать то, что он собирался мне поведать. Я взглядом попросил его продолжать. – Что ж, пожалуй, лучше всего начать с самого начала. Жизнь на КА-ПЭКСе, начавшаяся около двух с половиной миллиардов лет назад, намного древнее, чем жизнь на ЗЕМЛЕ. Homo sapiens существуют на вашей ПЛАНЕТЕ всего несколько десятков тысяч лет, ну, плюс-минус пару тысячелетий. На КА-ПЭКСе жизнь началась почти девять миллиардов ваших лет назад, когда ваш ЗЕМНОЙ ШАР все еще был газовым облаком. Наши жители уже существуют пять миллиардов этих же лет, значительно дольше, чем ваши бактерии. Кроме того, эволюция пошла у нас в совсем другом направлении. На нашей ПЛАНЕТЕ, в отличие от ЗЕМЛИ, очень немного воды – у нас нет ни океанов, ни рек, ни озер, поэтому жизнь у нас началась на суше, вернее даже, под землей. Ваши прародители – рыбы, а наши – нечто вроде ваших червей.

– И тем не менее со временем вы стали похожи на нас.

– Мне кажется, я уже объяснил это в нашей предыдущей беседе. Вы можете посмотреть ваши записи...

– Это все очень интересно... э... прот, но какое отношение палеонтология имеет к вашему детству?

– Самое прямое, такое же, как и на ЗЕМЛЕ.

– Почему бы нам сейчас не поговорить о вашем детстве, а к этой взаимосвязи мы можем вернуться и позднее, если у меня будут вопросы. Подходит?

Он снова склонился над блокнотом.

– Разумеется.

– Очень хорошо. Во-первых, давайте поговорим о самом существенном, вы не против? Например, как часто вы видите со своими родителями? Живы ли ваши дедушки и бабушки? Есть ли у вас сестры и братья?

– Джин, джин, джин. Вы меня невнимательно слушали. На КА-ПЭКСе все совсем не так, как на ЗЕМЛЕ. У нас нет «семей» в вашем смысле этого слова. Само понятие «семья» на нашей ПЛАНЕТЕ, как и на большинстве других, просто нелогично. Детей не растят их биологические родители, их растят все. Дети возвращаются среди всего населения, учась то у одного существа, то у другого.

– Будет ли тогда справедливо заметить, что, когда вы были ребенком, у вас фактически не было родного дома?

– Совершенно верно. Наконец-то вы поняли.

– Другими словами, вы так никогда и не были знакомы с вашими родителями?

– У меня были тысячи родителей.

Я сделал себе пометку: то, что прот не признает своих родителей, подтверждает мои прежние подозрения, что он в глубине души ненавидит или одного из них, или обоих, возможно, из-за того, что его били, или из-за того, что о нем не заботились, а может быть, они его даже бросили.

– Вы могли бы сказать, что у вас было счастливое детство?

– Очень счастливое.

– А можете вспомнить какой-либо неприятный эпизод из вашего детства?

Прот зажмурил глаза, как часто делал, когда пытался сосредоточиться или что-нибудь вспомнить.

– Пожалуй что нет. Ничего такого необычного. Пару раз меня стукнул ап, раз или два опрыскал мот. И еще у меня было нечто вроде вашей кори и вашей свинки. Всякие такие мелочи.

– Ап?

– Это существо наподобие маленького слона.

– Где это случилось?

– На КА-ПЭКСе.

– Да, но где именно на КА-ПЭКСе? В вашей собственной стране?

– У нас на КА-ПЭКСе нет никаких стран.

– Так что, слоны там у вас бегают где хотят?

– Там все бегают где хотят. У нас нет зоопарков.

– А есть у вас животные, представляющие опасность?

– Только если вы станете им помехой.

– Скажите, а на КА-ПЭКСе вас ждет жена? – Это был еще один провокационный вопрос, чтобы посмотреть, как он среагирует на слово «жена». Если не считать того, что он едва заметно подвинулся в кресле, прот был совершенно спокоен.

– У нас на КА-ПЭКСе нет супружества: нет ни жен, ни мужей, ни семей – понятно? Или, выражаясь точнее, все население – это одна большая семья.

– А у вас есть ваши родные дети?

– Нет.

Есть немало причин, по которым человек решает не заводить детей. Одна из них связана с тем, что родители этого человека били или издевались над ним, и ребенок их ненавидит.

– Давайте вернемся к вашим родителям. Вы часто их видите?

Прот вздохнул, явно потихоньку выходя из себя.

– Нет.

– Они вам нравятся?

– Вы все еще бьете вашу жену?

– Не понимаю, о чем это вы?

– Вы задаете вопросы с точки зрения ЗЕМНОГО существа. На КА-ПЭКСе они бессмысленны.

– Мистер прот...

– Просто прот.

– Давайте установим для наших бесед некоторые основные правила, вы не против? Я уверен, что вы простите меня за то, что я задаю вопросы с точки зрения земного существа, потому что я и есть земное существо. Я не могу задавать вам вопросы с точки зрения капэксианина, даже если бы хотел, потому что я незнаком с вашим образом жизни. Так что прошу вас: сделайте мне одолжение – потерпите мои вопросы. И попробуйте ответить на них настолько, насколько вы в состоянии, пользуясь земными выражениями, с которыми, по-моему, вы совсем неплохо знакомы. Как вы считаете, при подобного рода обстоятельствах такая просьба законна?

– Очень рад, что вы это сказали. Вполне вероятно, что мы сможем друг от друга чему-то научиться.

– Вы рады, и я тоже рад. Теперь, когда вы готовы, может быть, вы расскажете мне немного о ваших родителях. Например, знаете ли вы, кто ваша мать и кто ваш отец? Встречались ли вы с ними когда-либо?

– Я виделся со своей матерью. Но отец мне пока не встретился.

Он все-таки ненавидит отца.

– Не встретился?

– КА-ПЭКС – большая ПЛАНЕТА.

– Это конечно, но...

– Даже если я его встречал, никто мне не указал на него и не объяснил, что это мой отец.

– На вашей планете много людей, которым неизвестно, кто их отцы?

Он усмехнулся, мгновенно почувствовав двусмысленность вопроса.

– Большинству неизвестно. Это для нас неважно.

– Но вам известно, кто ваша мать?

– Чистая случайность. Общий знакомый как-то упомянул о нашем биологическом родстве.

– Земному существу это трудно понять. Может быть, вы все-таки объясните, почему ваше «биологическое родство» для вас неважно?

– А почему оно должно быть важно?

– Потому... э... давайте пока вопросы буду задавать я, а вы будете отвечать, хорошо?

– Иногда вопрос – это лучший ответ.

– Полагаю, вам неизвестно, сколько у вас братьев и сестер?

– На КА-ПЭКСе мы все братья и сестры.

– Я имел в виду биологических братьев и сестер.

– Я бы удивился, если бы они у меня были. По причинам, которые я уже объяснил, почти у всех на нашей ПЛАНЕТЕ только один ребенок.

- Неужели общество не оказывает давления в этом вопросе? И неужели правительство не поощряет деторождение, заботясь, чтобы ваши жители не вымерли?
 - На КА-ПЭКСе нет правительства.
 - Как это так? Там анархия?
 - Что ж, это определение не хуже других.
 - Но кто же строит дороги? Больницы? Руководит школами?
 - Честное слово, джин, это не так уж трудно понять. У нас каждый делает то, что надо делать.
 - А что, если никто не заметит, что какое-то дело надо сделать? А что, если кто-то знает, что какое-то дело надо сделать, и откажется его сделать? А что, если кто-то решит вообще ничего не делать?
 - Такого на КА-ПЭКСе не бывает.
 - Никогда?
 - А с какой стати?
 - Ну, например, выразить неудовлетворенность оплатой труда.
 - У нас на КА-ПЭКСе нет «оплаты труда». И нет никаких денег.
- Я сделал об этом пометку в блокноте.
- Нет денег? А как же протекает торговля?
 - Мы не «торгуем». Вам, доктор, надо научиться внимательно слушать своих пациентов. Я уже говорил: если что надо сделать – ты это делаешь. Если кому-то

надо что-то, что есть у тебя, ты ему это отдаешь. Таким образом мы избегаем множества проблем, и на нашей ПЛАНЕТЕ такая система прекрасно работает уже несколько миллиардов лет.

– Хорошо. А какого размера ваша планета?

– Размером примерно с НЕПТУН. Если вы прочтете запись нашей беседы на прошлой неделе, вы это там тоже найдете.

– Спасибо. Каково ваше население?

– Около пятнадцати миллионов таких существ, как я, – если вы это имели в виду. Но есть и многие другие существа, помимо нас.

– Какие такие существа?

– Самые разные. Некоторые напоминают ваших ЗЕМНЫХ животных, некоторые – нет.

– А животные эти дикие или домашние?

– Мы не «одомашниваем» никого из наших существ.

– Вы не выращиваете домашних животных для употребления в пищу?

– Никто на КА-ПЭКСе ничего не «выращивает» ни для какой цели и, разумеется, не выращивает с целью употребления в пищу. Мы не каннибалы.

Я вдруг почувствовал в его ответе неожиданные ноты гнева. Интересно, почему.

– Давайте сейчас заполним некоторые пробелы в вашем рассказе о детстве. Насколько я понял, вас растило множество суррогатных родителей, правильно?

– Не совсем.

– Кто же о вас заботился? Укладывал вас спать, заправлял одеяло?

– На КА-ПЭКСе никто не «укладывает вас в постель и не заправляет одеяло»! – воскликнул он, полный негодования. – Когда тебе хочется спать, ты спишь. Когда ты голоден, ты ешь.

– Кто же вас кормит?

– Никто. Еда всегда под рукой.

– В каком возрасте вы пошли в школу?

– На КА-ПЭКСе нет школ.

– Что ж, меня это не удивляет. Но вы явно человек образованный.

– Я не «человек». Я существо. Все жители КА-ПЭКСа образованны. Но образование мы получаем не в школах. Источник образования в желании познавать. И когда есть такое желание, не нужны школы. А без него все школы ВСЕЛЕННОЙ бесполезны.

– А как вы учитесь? У вас есть учителя?

– На КА-ПЭКСе мы все учителя. Если у тебя возник вопрос, спроси любого, кто окажется поблизости. И конечно, у нас есть библиотеки.

– Библиотеки? А кто ими руководит?

– Джин, джин, джин. Никто ими не руководит. Ими руководят все.

– А эти библиотеки созданы известным нам, земным людям, способом?

– Пожалуй. Там есть книги. Но и многое другое тоже. То, что вам будет незнакомо или непонятно.

– А где находятся эти библиотеки? В каждом городе есть своя библиотека?

– Да, но наши «города» скорее напоминают то, что вы называете «деревнями». У нас нет огромных метрополий вроде той, в которой мы в настоящее время находимся.

– А у КА-ПЭКСа есть столица?

– Нет.

– Как вы добираетесь из одной деревни в другую? У вас есть поезда? Автомобили? Самолеты?

Глубокий вздох, за которым последовало нечленораздельное бормотание на непонятном языке (пэксианский, как он объяснил мне впоследствии). И снова он что-то записал в своем блокноте.

– Я ведь уже объяснял это прежде, джин. Мы перебираемся с места на место с помощью энергии света. Почему вам так трудно понять эту концепцию? А может, вам она кажется слишком простой?

Опять он за свое. И, учитывая то, что времени у нас оставалось совсем мало, я решил, что не дам ему отклониться от темы.

– Последний вопрос. Вы сказали, что у вас было счастливое детство. А была ли у вас возможность играть с другими детьми?

– Почти никакой. На КА-ПЭКСе, как я уже говорил, очень мало детей. К тому же на нашей ПЛАНЕТЕ нет различия между «работой» и «игрой». На ЗЕМЛЕ детей все время поощряют играть. И это потому, что вы верите: дети должны как можно дольше оставаться в счастливом неведении о предстоящей взрослой жизни явно оттого, что она такая противная. А на КА-ПЭКСе дети и взрослые – одно целое. На нашей ПЛАНЕТЕ жизнь приятна и интересна. И нет никакой нужды находить отдушину в телесериалах, футболе, алкоголе и всяких других наркотиках. Было ли у меня на КА-ПЭКСе счастливое детство? Да, конечно. И счастливая «взрослость» тоже.

Я просто не знал, радоваться или печалиться этому беспечному ответу. С одной стороны, этот человек казался искренне довольным своей воображаемой

судьбой, но, с другой стороны, он явно отрицал не только существование своей семьи, но и свои школьные годы и вообще свое детство. Отрицал даже свою страну. Отрицал все. Все аспекты своей жизни, которая, скорее всего, была просто омерзительной. Я почувствовал к этому человеку необычайную жалость.

Под конец интервью я спросил прота о его «родном городе», но и этот вопрос не привел ни к чему. Похоже, капэксиане перемещались с места на место как кочевники.

Я отпустил прота, и он пошел к себе в палату. Я был настолько поражен полным его отрицанием всех человеческих аспектов жизни, что забыл даже позвать сопровождавших его обычно санитаров.

Прот ушел, а я вернулся в свой кабинет и заново пересмотрел его историю болезни. Никогда прежде у меня не было пациента, к которому я совершенно не мог подобрать ключа. За тридцать лет работы, может, был один сходный случай, но тот, другой пациент полностью утратил память. В конце концов одному из моих учеников удалось проследить его прошлое – помог в этом вновь проснувшийся в нем интерес к спорту; но на поиски ушло около двух лет.

Я записал в блокноте все, что мне до сих пор удалось узнать о протэ:

1. П. ненавидит своих родителей – обращались ли они с ним жестоко?
2. П. ненавидит свою работу, правительство, возможно, все окружавшее его общество, – не было ли у него судебных дел, которые кончились несправедливым решением?
3. Случилось ли что-то с ним четыре года или пять лет назад, что вызвало эти явные проявления ненависти?
4. Помимо всего вышеназванного, у пациента серьезные сексуальные проблемы.

Я взглянул на свои записи и вспомнил, как мой коллега Клаус Виллерс не раз вещал: «Особые случаи требуют особых мер». Я стал раздумывать о тех редких эпизодах, когда человека незаурядного ума, воображавшего себя кем-то иным,

удалось убедить в том, что он не тот, за кого себя выдает. Наиболее известным был пример, когда известный комедиант, за которого себя выдавал пациент, милостиво согласился встретиться с больным лицом к лицу, что и привело к чудесному излечению (но лишь после того, как оба они дали будь здоров какое представление). Если б только я мог доказать проту, что он обычный земной человек, а не пришелец с другой планеты...

Я решил подвергнуть прота более тщательному физическому и умственному обследованию. В частности, мне хотелось узнать, действительно ли он был так чувствителен к солнечному свету, как он утверждал. Потом я считал важным проверить его способности и определить широту и глубину его знаний, особенно в области физики и астрономии. Чем больше мы о нем узнаем, тем легче нам будет распознать, кто же он есть на самом деле.

Когда я учился в старших классах школы, наш школьный консультант по вопросам выбора будущей профессии посоветовал мне взять тот курс физики, который предлагался у нас в школе. Очень скоро я понял, что у меня к физике нет никаких способностей, правда, благодаря этим занятиям необычайно возросло мое уважение к тем, кто все-таки мог разобраться в этом материале, доступном лишь немногим посвященным, в том числе и моей будущей жене.

Мы с Карен были соседями со дня ее рождения и всегда вместе играли. Каждое утро я выходил во двор, где тут же видел ее, улыбающуюся, готовую ко всем радостям жизни. Одно из самых нежных воспоминаний связано с нашим первым днем в школе: я сижу в классе позади нее и вдыхаю аромат ее волос, а потом иду вместе с ней домой и вдыхаю запах сжигаемых листьев. Конечно, в том возрасте мы еще не были настоящими влюбленными, мы стали ими, только когда нам исполнилось двенадцать, в год, когда умер мой отец.

Это случилось посреди ночи. Мать прибежала за мной и повела к отцу в надежде – совершенно бессмысленной, – что я смогу чем-то ему помочь. Я вбежал к ним в спальню и увидел отца, лежащего на полу лицом вверх, голого, всего в поту. Пижамы его валялись тут же, рядом с кроватью. Он еще дышал, но лицо его было пепельного цвета. Я провел достаточно времени у него в кабинете и в больнице на обходах, чтобы примерно представить, что с ним случилось, и понять всю серьезность его положения. Если б он в свое время научил меня технике искусственного дыхания и закрытому массажу сердца, я, может быть, и помог бы ему. Но это случилось еще до того, как широким слоям населения

стала известна методика проведения сердечно-легочной реанимации; и потому я ничего не мог сделать, кроме как лицезреть его последний вдох и уход в мир иной. Еще до этого я, разумеется, крикнул матери, чтобы она вызвала скорую помощь, но когда та приехала, было уже поздно. А пока что я как зачарованный в ужасе изучал его тело: его сероватые руки и ноги, шишковатые колени, огромные темные гениталии. Как раз в ту минуту, когда я накрывал отца простыней, вбежала мать. Не было никакой нужды объяснять ей, что произошло. Она знала. Она, как никто другой, знала.

Чуть позднее у меня наступил шок и меня охватило смятение. Но не потому, что я любил его, а потому, что не любил и в действительности чуть ли не желал его смерти, чтобы избавиться от необходимости стать, как и он, врачом. Но по иронии судьбы, из-за невероятного чувства вины перед ним, я дал себе клятву, несмотря ни на что, пойти в медицину.

На похоронах Карен, ни слова не говоря, села рядом со мной и взяла меня за руку. Будто она прекрасно понимала, что я в ту минуту переживал. Я тоже сжал ее руку, крепко. Рука ее была невероятно мягкой и теплой. И хотя это пожатие не смягчило моего чувства вины, я вдруг ощутил, что, держа эту руку в своей, смогу в жизни преодолеть многое. С тех пор я эту руку так и не выпускал.

В пятницу к нам в больницу заявился представитель комиссии здравоохранения штата. Его работа состоит в том, чтобы время от времени проверять состояние нашего здания, работу водопровода и канализации, а также содержатся ли пациенты в чистоте, хорошо ли они накормлены и т. д. И хотя он бывал у нас постоянно, мы всякий раз устраиваем ему полный обход: кухня, столовая, прачечная, бойлерная, магазинчик подарков, комната отдыха и физкультуры, комната тишины, медицинские кабинеты и, наконец, палаты.

Так вот, в комнате отдыха, за карточным столом, вместе с моими двумя другими пациентами мы застаем прота. Мне показалось это довольно странным, так как один из них – я назову его Эрни – почти всегда сидит один или тихонько разговаривает с Расселом, нашим неофициальным священником. А другой, Хауи, обычно слишком занят, чтобы вообще хоть с кем-нибудь разговаривать (синдром белого кролика). Оба они – и Эрни, и Хауи – соседи по палате и в нашей больнице уже долгие годы; у каждого из них случай не из легких.

Эрни, как и многие другие люди, боится смерти. Но в отличие от большинства из нас, он не способен думать ни о чем другом, кроме смерти. Он регулярно проверяет свой пульс и температуру. Он настоял на том, чтобы носить хирургическую маску и резиновые перчатки не снимая. Он не расстается со стетоскопом и термометром, несколько раз в день принимает душ и каждый раз после этого требует чистую одежду, отказываясь от той, на которой замечает хоть малейшее пятнышко. И нам приходится с этим мириться, иначе он вообще ходил бы нагишом.

Принятие пищи для Эрни представляет серьезную проблему по нескольким причинам. Во-первых, из страха пищевого отравления он ест только тщательно сваренное и поданное обжигаяще горячим. Во-вторых, он ест только то, что порезано на микроскопические кусочки, чтобы ни в коем случае не поперхнуться и не умереть от слишком большого куска. И еще: Эрни не признает ни консервов, ни пищевых добавок. Он не ест ни мяса, ни птицы и даже на свежие фрукты и овощи смотрит с подозрением.

В этом, конечно, нет ничего необычного. В каждой психиатрической больнице есть такой «Эрни», а то и два. Но наш Эрни отличается от других тем, что его попытки защититься от внешнего мира несколько превосходят те, что обычно наблюдаются у танатофобов[3 - Танатофобия – страх смерти.]. Его, например, невозможно уговорить выйти на улицу, так как он боится космических лучей и бомбардировки метеоритами, а также отравления находящимися в воздухе химическими веществами, нападения насекомых и птиц, заражения порожденными пылью организмами и многого другого.

Но и это еще не все. Из страха задушить самого себя во сне он спит, привязав руки к ногам и кусая деревянный дюбель, чтобы не проглотить язык. По той же причине он не спит ни под простыней, ни под одеялом, чтобы они не задушили его во сне, и спит на полу, чтобы не свалиться с кровати и не сломать себе шею. Возможно, компенсируя все это, он, завершив вечерний ритуал, спит довольно крепко, правда, просыпается рано, тут же судорожно проверяет свои показатели и «снаряжение», и к завтраку, как всегда, он уже на грани нервного срыва.

Как же он до такого дошел? Когда Эрни было девять лет, у него на глазах, подавившись куском мяса и задохнувшись, умерла его мать. Не зная, чем ей помочь, он, как приговоренный, наблюдал ее предсмертную агонию, в то время как его старшая сестра с диким криком металась по кухне. Не успел он оправиться от пережитого им ужаса, как его отец вырыл у них на заднем дворе

бомбоубежище и стал практиковаться в его использовании. И делал это так: в любое время суток отец вдруг кидался к Эрни, чем-нибудь на него плескал или издавал леденящий душу крик, что было сигналом бежать в бомбоубежище. Когда Эрни попал к нам в МПИ, стоило только скрипнуть двери или кому-то чихнуть, как он мгновенно вскакивал и бежал куда глаза глядят, и ушли месяцы на то, чтобы отучить его от этого. Эрни привезли сюда почти двадцать лет назад, и с тех пор он не покидал нас. Отец его, между прочим, находится в другой психиатрической лечебнице, а сестра в 1980 году покончила с собой.

К счастью, фобии такой разрушительной силы, как у Эрни, встречаются редко. К примеру, тем, кто боится змей, достаточно просто держаться подальше от леса и поля. Те, кто страдает агорафобией или клаустрофобией, обычно в состоянии избежать толпы или лифтов и вообще поддаются лечению медикаментами или постепенным привыканием к мучительной для них ситуации. Но как помочь страдающим танатофобией? Как избежать «старухи с косой»?

Хауи в свои сорок четыре года выглядит на все шестьдесят. Он родился в Бруклине в бедной семье, и с раннего возраста у него проявились необычайные музыкальные способности. Когда мальчику исполнилось четыре года, отец отдал ему хранившуюся у них дома скрипку, а когда Хауи был чуть старше десяти, он уже играл на ней с солидными местными оркестрами. Однако со временем Хауи стал выступать все меньше и меньше, предпочитая играть на других инструментах, читать партитуры, изучать историю музыки. Его отца, хозяина крохотного книжного магазина, такой оборот дел, казалось, не очень-то огорчал: он без конца хвастался своим покупателям, что его сын станет знаменитым дирижером, новым Стоковским. Но к тому времени как Хауи поступил в колледж, его интересы уже простирались на все области человеческих знаний. Он пытался одолеть все, начиная с алгебры и кончая дзен-буддизмом. Хауи занимался днем и ночью, пока дело не закончилось нервным срывом и он не попал к нам.

Но лишь только его физическое состояние поправилось, он снова как заведенный пустился на поиски совершенства, и никакие успокоительные средства не в состоянии были его притормозить.

Хауи все время находится в неимоверном напряжении. Круги и мешки у него под глазами свидетельствуют о нескончаемой битве с усталостью, он то и дело болеет простудами и без конца страдает разными мелкими недугами.

Что же с ним случилось? Почему один одаренный человек в конце концов оказывается на сцене «Карнеги-холл», в то время как другой – в психиатрической больнице? Отец Хауи был необычайно требовательным человеком и не выносил ни малейших ошибок. Когда маленький Хауи начинал играть на скрипке, он страшно боялся сыграть хоть одну фальшивую ноту и тем самым обидеть своего отца, которого он глубоко любил. Но чем больше он совершенствовался в игре, тем лучше понимал, сколько он еще не умеет и что вероятность возможных будущих ошибок намного больше, чем он предполагал. Тогда, чтобы добиться совершенства в игре на скрипке, он бросился изучать все аспекты музыки, пытаясь узнать о ней все досконально. Когда же он понял, что даже этого будет недостаточно, ринулся в другие области знаний, поставив себе недостижимую цель узнать все обо всем на свете.

Но и это кажется ему недостаточным, и каждое лето он составляет опись всех окрестных птиц и насекомых и пересчитывает все травинки на лужайке возле больницы. Зимой же он ловит снежинки и составляет таблицы их структур, сравнивая их между собой. Безоблачными ночами он внимательно изучает небосвод, выискивая аномалии, которых не видел прежде. Большую часть своего времени он проводит за чтением словарей и энциклопедий, одновременно слушая музыку или магнитофонные пленки для изучения языков. Боясь забыть что-нибудь важное, он постоянно все конспектирует и заносит в разные списки, а потом снова и снова приводит их в порядок. До того дня, как я застал его в комнате отдыха, не было случая, чтобы он лихорадочно что-то не считал, не записывал или не изучал. Каждый раз его с боем заставляли оторваться от занятий и что-то поесть.

Мы с гостем незаметно подошли к столу, пытаясь уловить хотя бы отрывки их разговора и при этом не спугнуть беседующих. Насколько я мог расслышать, Эрни и Хауи расспрашивали прота о жизни на КА-ПЭКСе. Однако, заметив нас, они тут же смолкли, а Эрни вместе с Хауи мгновенно исчезли.

Я представил пациента нашему гостю и, воспользовавшись случаем, спросил прота, не против ли он пройти несколько дополнительных тестов в среду, день наших обычных встреч. На что прот ответил, что он не только не возражает, но будет с нетерпением ждать этих тестов. Когда мы уходили, на лице его сияла широкая улыбка – явный признак радостного предвкушения.

Несмотря на то что официальный доклад мы получим от комитета здравоохранения штата только через несколько месяцев, представитель комитета указал нам на два-три мелких недостатка, которые требовали устранения, и я доложил о них на нашем очередном собрании в понедельник. Среди прочего на собрании объявили новость: комиссия по поиску кандидатуры на должность постоянного директора института свела список своих кандидатов к четырем: трое – со стороны и я. Председателем комиссии был избран доктор Клаус Виллерс.

Виллерс относится к типу психиатров, которых обычно изображают в кино: лет шестидесяти, бледный, с маленькой седой бородкой, сильным немецким акцентом и с ног до головы фрейдист. Ясно было, что тех троих выбрал лично он сам. Я был знаком с их трудами, и, судя по ним, каждый из этих кандидатов в той или иной степени был копией самого доктора Виллерса. У всех у них были превосходные характеристики, и я с нетерпением ждал встречи с ними. То, что меня выдвинули на эту должность, для меня не было неожиданностью, другое дело – хотел ли я ее получить? Взяться за такую работу, помимо всего прочего, означало почти полностью отказаться от работы с пациентами.

Когда с этой темой было закончено, я кратко рассказал своим коллегам о том, что мне пока удалось узнать о протее. Виллерс и еще кое-кто из коллег согласились со мной, что обычный психоанализ в данном случае – пустая трата времени, но считали, что моя попытка «очеловечить» его тоже совершенно бесполезна, и взамен предлагали попробовать некоторые новейшие экспериментальные лекарства. Другие с ними спорили, называя такой подход преждевременным, и, более того, считали, что без согласия родственников пациента такое лечение может привести к серьезным последствиям правового порядка. Таким образом, мы пришли к общему мнению, что и я, и полиция должны приложить все усилия, чтобы узнать, кто же есть прот на самом деле. Я вдруг вспомнил оперу Мейербера «Африканка», в которой Инес ждет возвращения своего, давно ушедшего в плавание, возлюбленного Васко да Гама, и подумал: есть ли на белом свете семья, которая страстно молится о пропавшем без вести муже, отце, брате или сыне и все еще надеется на его возвращение?

Беседа третья

Проведение тестов, назначенное на двадцать третье мая, началось утром и затянулось далеко за полдень. Большую часть этого времени мне пришлось посвятить другим неотложным обязанностям, не последней из которых было срочное собрание заведующих хозяйством, созванное для одобрения покупки в прачечную новой сушильной машины, так как одна из двух старых приказала долго жить. Так что на тестах меня достойно подменила Бетти Макалистер.

К тому времени Бетти работала у нас уже одиннадцать лет, из них последние два года – главной медсестрой. Бетти была единственным человеком среди всех известных мне людей, кому удалось прочесть все романы Тейлор Колдуэлл[4 - Колдуэлл, Джэнет Тейлор (1900–1985) – англо-американская писательница, автор множества популярных романов, часто использовавшая в своих произведениях реальные исторические события или реально существовавших людей.]. И еще: сколько лет мы были знакомы, столько лет она пыталась забеременеть. И хотя Бетти испробовала почти все существующие научные и домашние средства, она наотрез отказывалась принимать так называемые пилюли деторождаемости, утверждая, что ей «хочется только одного ребенка, а не целый зверинец. Тем не менее на ее работе это ничуть не сказывалось – свои обязанности она всегда выполняла толково и весело.

Согласно докладу Бетти, прот активно участвовал во всех тестах. И действительно, тот необычайный интерес, с которым он относился к тестам и вопросникам, подтверждал мое предположение о том, что в прошлом он был связан с наукой. Но насколько серьезным было его образование, по-прежнему оставалось неясным. Судя по его уверенности в себе и умению выражать свои мысли, скорее всего, он окончил колледж, а вполне возможно, получил еще и степень магистра или специалиста высокого класса.

На то, чтобы обработать данные тестов, ушло несколько дней, и должен признаться, что мне до того любопытно было взглянуть на их результаты, что я, отбросив в сторону кое-какие из намеченных мной домашних дел, вернулся в больницу в субботу завершить то, что не успела в пятницу Бетти. Окончательные результаты – в общем-то, как я и ожидал, не особо примечательные – тем не менее оказались занятными. Вот что мы получили:

IQ 154 _____ (намного выше среднего, но не в категории гениального)

Психологические тесты (аналитические способности, лабиринты, зеркальные тесты и т. д.) _____ в норме

Неврологические тесты _____ в норме

Электроэнцефалограмма (д-р Чакраборти) _____ в норме

Краткосрочная память _____ отличная

Навыки чтения _____ очень хорошие

Художественные способности/рельефные, живые образы _____ варьируются

Музыкальные способности _____ ниже среднего

Базовые знания (история, география, языки, искусство) _____ широкие, впечатляющие

Знание математики и других наук (в частности физики и астрономии) _____ выдающиеся

Знания в области спорта _____ минимальные

Общая физическая сила _____ выше среднего

Слух, обоняние, вкусовые ощущения, осязание _____ обострены

«Сверхоощущения» (способность чувствовать цвета, ощущать присутствие других людей и т. д.) _____ под вопросом

Зрение

1. Чувствительность к дневному свету ярко выраженная!

2. Диапазон воспринимает световое излучение от 3000 до 4000 ?
(ультрафиолетовые лучи!)

Способности_____ смог выполнить почти все задания; особые склонности к естественной истории и естественным наукам

Как видно из результатов, единственным необычным показателем была способность пациента видеть световое излучение в необычном спектре, с длинной волны вплоть до ультрафиолетовой. Его явная чувствительность к свету могла быть связана с генетическим дефектом; в любом случае видимого повреждения сетчатки не наблюдалось. Тем не менее я сделал для себя пометку первым делом во вторник утром (понедельник был нерабочий – День памяти погибших) позвонить нашему офтальмологу доктору Раппопорту. Никаких других намеков на особые «инопланетные» таланты у пациента не наблюдалось.

Кстати, его знание языков оказалось не таким обширным, как он пытался нам представить. Хотя он немного говорил и читал на большинстве наиболее распространенных языков, знания его ограничивались повседневными фразами и фразеологизмами, которые обычно встречаются в справочниках для путешественников. И еще внимание мое привлекла информация, данная пациентом по его собственной инициативе, о звездах в созвездии Лиры (их расстояния от Земли, их виды и т. п.), информация, которую наверняка можно было получить и без всяких космических путешествий, но я все равно решил ее проверить.

Вечером, возвращаясь домой, я вел машину под аккомпанемент «Фауста» Гуно и, подвывая Фаусту, в который раз с восхищением думал о том, на что только не способен человеческий ум. Существуют хорошо документированные случаи проявления сверхчеловеческой силы, вызванные отчаянием или приступом гнева, поразительные выступления спортсменов или действия спасателей, намного превосходящие возможности человека, истории людей, входивших в транс или «спячку», жертв стихийных бедствий или иного рода катастроф, проявлявших чудеса выносливости, случаи, когда парализованные люди вдруг вставали и начинали ходить, или когда людям, больным раком, удавалось себя излечить или силой воли продлить свою жизнь до следующего дня рождения или важного для них знаменательного события. И разве не поразительно, что малопривлекательная женщина выглядит красавицей только потому, что считает себя таковой? Или человек с незначительным талантом становится звездой Бродвея лишь благодаря своей энергии и уверенности в себе. У меня у самого лично было немало пациентов, которым удавалось сделать то, о чем они и мечтать не могли до того, как заболели. А теперь перед нами человек, который

верит, что прилетел с планеты, где люди несколько чувствительнее к свету, чем мы, и он, бог свидетель, действительно необычайно чувствителен к свету. В такие минуты поневоле задумаешься: где же границы человеческого разума?

В День поминовения моя старшая дочь с мужем и двумя маленькими детьми – сыновьями – приехали к нам погостить. Эбигейл – полная противоположность той самой женщине, которую я только что упомянул, – она всегда была хорошенькой, но никогда этого не признавала. Думаю, что ни разу в жизни она не красилась, ни разу не делала никаких причесок, и ей абсолютно все равно, что носить. С самого рождения она была совершенно независима. Стоит мне подумать об Эбби, как я представляю себе длинноволосую, в брюках-клеш, девочку лет восьми-девяти, марширующую рядом с людьми раза в два, а то и в три ее старше, размахивающую плакатом о мире и с полной серьезностью выкрикивающую свои лозунги. Теперь Эбби – непрактикующий юрист, зато активистка всевозможных женских, гомосексуальных, гражданских и природоохранных групп, а также общества охраны животных. Почему она стала именно такой? Кто может мне это объяснить? Все наши дети, точно цвета радуги, совершенно разные.

Фред, например, из всех наших четверых по натуре самый тонкий. Ребенком его от книги было не оторвать, и очень влекла музыка. У него и до сих пор огромная коллекция записей бродвейских шоу. У нас никогда и сомнений не было, что его будущее в искусстве. Но каково было наше изумление, когда мы узнали, что он решил стать пилотом!

Дженнифер совсем другая. Стройная, красивая, но не такая серьезная, как Эбигейл, и не такая тихая, как Фред, она единственная из всех четверых решила пойти по стопам своего старика. С детства она любила биологию (правда, еще и вечеринки с подружками, и шоколадное печенье), и теперь она студентка третьего курса Высшей медицинской школы Стэнфорда.

Уилл, по прозвищу Фишка, наш младший, на восемь лет моложе Дженни. Наверное, самый талантливый из всей этой компании, он в школе один из лучших спортсменов, активист и пользуется большой популярностью. Точь-в-точь как в свое время Эбби – но в полную противоположность Фреду и Дженни, – он почти не бывает дома, предпочитая проводить время с друзьями, а не с престарелыми родителями. И Фишка даже смутно не представляет, чего он хочет в жизни.

Из всего вышесказанного вытекает вопрос: что же все-таки главным образом формирует личность человека – генетика или среда? Но ни бесконечные опыты, ни дебаты не дали пока ясного ответа на этот существенный вопрос. Мне же тут ясно одно: несмотря на сходную генетику и среду воспитания, все четверо моих детишек отличаются друг от друга, как день от ночи или как лето от зимы.

Муж Эбби, Стив, – профессор астрономии, так что я, пока бифштексы шипели на гриле, рассказал ему о нашем новом пациенте, который, по-видимому, знает кое-что из его области. Я показал ему цифровые данные прота, относившиеся к созвездию Лиры, а также системе двойных звезд Агапэ и Сатори, вокруг которых вращалась предполагаемая планета, которую наш пациент называл «КА-ПЭКС». Просмотрев записи, Стив почесал свою рыжеватую бороду и хмыкнул – так он обычно делал, когда о чем-то задумывался. Вдруг на лице его появилась безжалостная усмешка, и он медленно, растягивая каждое слово, произнес:

– Это Чарли вас подучил, да?

Я стал уверять Стива, что он ошибается, что я понятия не имею, кто такой этот «Чарли».

– Отличная шутка, – сказал Стив. – Полный восторг.

И тут мой внучок Рейн – после безнадёжной попытки выманить из-под крыльца нашего далматинского дога Ромашку – принялся постукивать по Стиву фрисби, пытаясь втянуть его в игру.

Я объяснил Стиву, что вовсе не шутил, и спросил его, почему он решил, что я над ним подшучиваю. Не помню его ответ дословно, но произнес он примерно следующее:

– Это то, над чем уже немало лет работают Чарли Флинн и его ученики. Включая двойную звезду в созвездии Лиры. Эта «двойственность» демонстрирует некую пертурбацию, возмущение в модели вращения, указывая на вероятность существования в ее системе огромного темного небесного тела, возможно планеты. Как утверждал ваш так называемый пациент, эта планета, по всей видимости, вращается вокруг них каким-то необычным образом – Чарли считает, что она описывает восьмерку. Понимаете, к чему я клоню? Эта работа не опубликована! За исключением одного-двух коллег, Чарли пока никому о ней не

рассказывал. Он собирался доложить об этом в следующем месяце на совещании астрофизиков.

– Откуда у вас взялся этот «пациент»? – спросил Стив, запихивая в рот горсть хрустящего жареного картофеля. – Сколько вьемени он у вас накодится? Его зогут не Чарли?

Было уже далеко за полдень, а мы со Стивом все еще пили пиво и болтали об астрономии и психиатрии, тогда как Эбби и моя жена время от времени ворчали на нас, умоляя прекратить разговоры о работе и хоть немного приглядывать за нашими внуками и детьми, бросавшими едой друг в друга и собаку. Первое, что мне не терпелось узнать у Стива, – это возможно ли путешествовать со светом. «Невозможно», – твердо ответил он, похоже все еще не уверенный в том, что я его не разыгрываю. Когда же я спросил его, согласится ли он помочь мне доказать моему пациенту, что планета КА-ПЭКС – плод его воображения, Стив сразу согласился. Перед отъездом я дал Стиву список вопросов для доктора Флинна о системе двойных звезд: к какому типу звезд они принадлежат, каков их размер и яркость, за какое время они вращаются вокруг своей оси, чему равен год на предполагаемой планете и даже как – если смотреть с этой планеты – выглядит ночной небосклон. Стив пообещал позвонить мне и сообщить обо всем, что ему удастся разузнать.

Беседа четвертая

Манхэттенский психиатрический институт находится в Нью-Йорке, на углу Амстердам-авеню и Сто двенадцатой улицы. Это частная учебно-исследовательская больница, кооперирующаяся с расположенной поблизости Высшей медицинской школой при Колумбийском университете. При этом МПИ совершенно независим от Психиатрического института Колумбийского университета, лечебницы общего характера с гораздо большим количеством пациентов, чем у нас. Мы называем его «большим институтом», а наш, в свою очередь, – «малым институтом». Мы принимаем лишь ограниченное число взрослых пациентов (от ста до ста двадцати максимум), и наш подход в их отборе необычен: это или пациенты, чьи заболевания уникальны, или те, на которых не действуют ни медикаменты, ни операции, ни лечение электрошоком, ни психотерапия.

МПИ построили в 1907 году, потратив на строительство чуть более миллиона долларов. Сегодня одно только здание стоит сто пятьдесят миллионов. Территория вокруг больницы небольшая, но хорошо ухоженная: по бокам здания и позади него газон, вдоль стен и оград – кустарники и цветочные клумбы. А в центре того, что мы называем «нашим захолустьем», фонтан «Адонис в райском саду». Я люблю прогуляться в нашем пасторальном садике, послушать болтовню фонтана, пристально взглянуться в старые каменные стены. Ведь здесь прожиты почти целые жизни – и пациентов, и персонала. А у некоторых больных, кроме этого мира, никакого другого уже и не будет.

В МПИ пять этажей с четырьмя отделениями, пронумерованными в порядке возрастания интенсивности заболеваний. Первое отделение (на первом этаже) для тех, кто страдает лишь острыми невротами или легкой паранойей, и тех, кому помогло лечение, и они почти готовы к выписке. Остальные пациенты об этом знают и часто вовсю стараются получить туда «повышение». Второе отделение для пациентов (вроде Рассела и прота) с более тяжелыми недугами: параноидной шизофренией, с маниакально-депрессивным синдромом, а также для закоренелых мизантропов и прочих неспособных функционировать в обществе. Третье отделение подразделяется на 3А, где находятся пациенты с различными серьезными психотическими расстройствами, и 3В – для больных аутизмом[5 - Аутизм – психическое заболевание, выраженное в оторванности от внешнего мира и полной погруженности в свой собственный мир.] и кататоников[6 - Кататония – психическое состояние, при котором больной почти не двигается и ни на что не реагирует.]. И наконец, четвертое отделение для пациентов с психопатией, представляющих опасность для персонала и других больных. В их число входят некоторые из страдающих аутизмом, с постоянными, необузданными приступами гнева, а также люди, в основном ведущие себя нормально, но подверженные неожиданным приступам жестокости. В четвертом отделении также находятся клиника, лаборатория, небольшая научная библиотека и анатомический театр.

У пациентов первого и второго отделений почти нет никаких ограничений, и они свободно могут общаться друг с другом. Обычно это происходит в столовой и в комнате физкультуры и отдыха (отделения № 3 и № 4 находятся в другом помещении). В каждом отделении есть женские и мужские палаты и душевые. Кстати, кабинеты врачей и смотровые комнаты находятся на пятом этаже, так что у пациентов бытует шутка, что из всех, кто только есть в этом институте, мы, врачи, самые ненормальные. И еще на нескольких этажах находятся кухни, а прачечная, котельная, кондиционерная система и оборудование для техобслуживания – в подвальном помещении. На первом и втором этажах и

между ними – амфитеатр для занятий и семинаров.

До того как меня назначили исполняющим обязанности директора, я каждую неделю час-другой проводил в отделениях, попросту, без всяких формальностей, беседуя с моими пациентами, для того чтобы понять, насколько улучшается их состояние, если вообще улучшается. К сожалению, из-за моих новых административных обязанностей этому обычаю пришел конец. Правда, я по-прежнему пытаюсь хоть изредка посидеть вместе с ними на обеде или просто побыть рядом до начала моего первого интервью, заседания комитета или дневной лекции. В то утро, сразу после Дня памяти погибших, я решил, что, перед тем как подготовиться к моему уроку, назначенному на три часа дня, пойду пообедать в третьем отделении.

Помимо больных аутизмом и кататонией, в этом отделении были еще и пациенты с расстройствами, затруднявшими их общение с пациентами из первого и второго отделений. Там, например, были люди с навязчивым пристрастием к еде, готовые проглотить все, что попадалось им под руку: камни, бумагу, сорняки, столовое серебро, – или копрофаг, чьим постоянным желанием было поглощение своих, а иногда и чужих экскрементов, и еще несколько пациентов с серьезными проблемами сексуального характера.

Один из последних, когда-то прозванный студентом-комиком Чокнутым, то и дело «совокупляется» сам с собой, возбуждаемый всем подряд: видом рук, ног, кровати, уборной и еще неведомо чего.

Чокнутый – сын видного нью-йоркского адвоката, а его бывшая жена – известная актриса телевизионной мыльной оперы. Насколько нам известно, у него было вполне нормальное детство, никаким сексуальным запретам или жестокостям он не подвергался; были у него и конструктор и железная дорога, он играл в бейсбол и баскетбол, любил читать, имел друзей. В старших классах школы он стеснялся девочек, но в колледже он обручился с красавицей сокурсницей. Она была веселой, общительной и страшно кокетливой. Без конца увлекая и соблазняя его, она никогда не позволяла ему «идти до конца». Сходя с ума от желания, Чокнутый тем не менее два мучительных года оставался девственником, сохраняя себя для любимой женщины.

Но в день их свадьбы она сбежала со своим бывшим ухажером, незадолго до этого освобожденным из местной тюрьмы, оставив Чокнутого у алтаря, в буквальном смысле готового вот-вот «треснуть по швам». Когда ему сообщили,

что невеста его обманула, он прямо в церкви спустил штаны и принялся мастурбировать. И с тех пор его было не остановить.

Проституционная терапия для Чокнутого оказалась совершенно бесполезной. Лечение же медикаментами принесло некоторый успех, и теперь Чокнутому удастся дойти до столовой и обратно, не нарушая общественного порядка.

Когда Чокнутый выходит из своего бредового состояния, он чудный парень. Ему уже за сорок, а он моложав и хорош собой: у него каштановые коротко подстриженные волосы, волевой, с ямочкой, подбородок и необычайно меланхоличные голубые глаза. Он любит смотреть телевизионные спортивные программы, и, когда бы я ни встретил его в коридоре, он всегда беседует с кем-то о бейсболе или футболе. Но в этот раз он ни словом не обмолвился о своей любимой команде «Метс», а говорил только о протэ.

Насколько мне было известно, Чокнутый ни разу не видел протэ, так как пациентам третьего отделения не разрешалось ходить в другие отделения. Тем не менее он прослышал о том, что во втором отделении появился новый пациент, прибывший откуда-то издалека, где жизнь совсем не походит на здешнюю, и очень хотел с ним познакомиться. Я попытался отговорить его от этой затеи, всячески умаляя достоинства воображаемых путешествий протэ, но печальные, младенчески голубые глаза Чокнутого смотрели на меня с такой мольбой, что я пообещал ему подумать об этом.

– Но почему вам так хочется встретиться с ним? – поинтересовался я.

– Чтобы попросить его взять меня с собой, когда он полетит обратно, для чего же еще?

Наступила леденящая тишина, столь необычная в этой столовой, где вечно царили шум и неразбериха. Я огляделся вокруг. Ни единая душа не вопила, не хихикала и не плевалась. Все уставились на нас и внимательно слушали. Я пробормотал что-то вроде: «Посмотрим, что тут можно сделать». Но только я поднялся уходить, как все третье отделение принялось уверять меня, что и они хотят просить моего «пришельца» о том же самом. Мне пришлось потратить целых полчаса, чтобы их успокоить и наконец-таки уйти из столовой.

Разговоры с Чокнутым всегда напоминают мне о том, какую удивительную власть имеет над нами всеми секс – идея, сто лет назад постигнутая Фрейдом в минуту озарения. И в самом деле, у большинства из нас в тот или иной период жизни, а то и в течение всей жизни, есть сексуальные проблемы.

Однажды, спустя немало лет после того, как я женился, мне неожиданно вспомнилась ночь смерти моего отца, и я вдруг понял, что он делал перед смертью. Мысль эта меня так потрясла, что я вскочил с кровати, подбежал к зеркалу кладовки и уставился на себя в упор. И что же я увидел? На меня смотрел мой собственный отец: те же усталые глаза, те же седеющие виски, те же шишковатые колени. И именно тогда, в ту минуту, мне стало яснее ясного – я смертен.

К последовавшему за этим нелегкому испытанию моя жена – медсестра в психиатрической больнице – отнеслась с необыкновенным пониманием, правда, в конце концов настояла, чтобы я с мучившей меня импотенцией показался специалисту. Это привело лишь к одному, а именно к «открытию», что во мне таилось невероятное чувство вины за смерть отца. Но только после того, как мой возраст перевалил за возраст моего отца, когда тот умер, мой «кризис среднего возраста» милостиво завершился, и я смог вернуться к своим супружеским обязанностям. Думаю, что в тот жуткий шестимесячный период я ненавидел своего отца, как никогда прежде. Мало того что он за меня выбрал мою специальность и ввергнул меня в пучину пожизненного комплекса вины, он еще через тридцать лет после своей смерти чуть ли не разрушил мою сексуальную жизнь!

* * *

Стив не только выполнил свое обещание, но и сделал кое-что сверх того. Он послал по факсу прямо ко мне в кабинет астрономические данные, включая спечатанную с компьютера схему звезд ночного неба, как бы видимого с гипотетической планеты КА-ПЭКС. Миссис Трекслер последнее очень позабавило. Она назвала это моей игрой «соедини точки».

Вооруженный этими данными, которых у прота наверняка и быть не могло, в среду я, как обычно, пошел на встречу с ним. Разумеется, у меня не было сомнений в том, что он явился из космоса, равно так же, как наш другой пациент, Иисус Христос, сошел со страниц Нового Завета. И тем не менее мне

было любопытно, что же еще он может извлечь из закромов своего непредсказуемого – хоть и наверняка человеческого – ума.

Прот вошел ко мне в смотровую комнату со своей неизменной улыбкой Чеширского кота. Я уже заготовил к его приходу целую корзину фруктов, за которые он тут же принялся с наслаждением. Пока прот расправлялся с тремя бананами, двумя апельсинами и яблоком, он успел задать мне несколько вопросов об Эрни и Хауи. Многие больные проявляют интерес к другим пациентам больницы, и я, не нарушая конфиденциальности, обычно удовлетворяю их любопытство. Когда же я увидел, что прот успокоился и готов к беседе, я включил магнитофон и мы начали очередной сеанс.

Подводя итог беседе, скажу так: прот знал все о недавно открытой звездной системе. Были некоторые расхождения в его описании вращения планеты КА-ПЭКС вокруг двух звезд, с которыми она связана, – он утверждал, что это была не восьмерка, а более сложная фигура. И еще продолжительность года на предполагаемой планете не соответствовала расчетным данным Стива, вернее, доктора Флинна. Но все остальное совпадало как нельзя лучше: размеры и яркость Агапэ и Сатори (его КА-МОН и КА-РИЛ), периодичность их вращений, название ближайшей к ним звезды и т. д. Конечно, не исключено, что он все это случайно угадал или, может быть, прочел мои мысли, хотя проведенные с ним тесты подобных способностей у него и не выявили. Скорее всего, проту каким-то образом удалось предсказать эти загадочные астрономические данные, вроде как тем упомянутым мною ранее «ученым» удавалось в уме – точно на компьютере – производить подсчеты, оперируя огромными числами. Но если ему удастся воспроизвести картину звездного неба такой, какой она предстает с КА-ПЭКСа – название, совершенно случайно выбранное профессором Флинном для своей прежде безымянной планеты, – это будет просто потрясающий трюк. С нетерпением ожидая результата, я стал подумывать о написании книги, которую сейчас держит в руках читатель. С волнением и даже некоторым возбуждением следил я за тем, как прот чертил схему, при этом уверяя меня, что он не очень-то хороший рисовальщик. Я напомнил ему, что картина неба, наблюдаемая с планеты КА-ПЭКС, будет сильно отличаться от того, что мы видим с Земли.

– Это вы мне рассказываете?

Он справился с заданием за считанные минуты. Пока он рисовал, я как бы вскользь упомянул, что один мой знакомый астроном уверил меня, что путешествие со светом теоретически невозможно. Прот на мгновение

приостановился и снисходительно посмотрел на меня.

– Вы когда-нибудь изучали историю ЗЕМЛИ? – спросил он. – Можете мне назвать хоть одну новую идею, которую бы все эксперты в ее области не назвали бы «невозможной»?

Он снова принялся за схему. Похоже, что все внимание его было сосредоточено на потолке, хотя глаза его были закрыты. На рисуемую им карту он вообще не смотрел. Казалось, что он просто копировал ее с какого-то экрана или со своего внутреннего образа. И вот что у него получилось:

В его рисунке есть несколько примечательных черт: «созвездие» в форме буквы N (в правом верхнем углу), еще одно в виде вопросительного знака (в нижнем левом углу), улыбающийся рот (в нижнем правом) и огромное созвездие в форме глаза (в верхнем левом). Заметьте, что в центре схемы он также показал расположение невидимой Земли. Согласно проту, то, что на рисунке очень мало звезд на заднем плане, объясняется тем, что на КА-ПЭКСе никогда не бывает абсолютно темно, и оттого звезд на небе видно намного меньше, чем обычно в сельских местностях ночью на Земле.

Однако схемы прота и Стива, без сомнения, сильно отличались друг от друга. И хотя меня не удивило, что знания нашего «ученого» оказались ограниченными, я все-таки был несколько разочарован. Я прекрасно сознаю, что отношение мое к этому вопросу не очень-то научное, и могу объяснить его лишь синдромом людей средних лет, переживших свой кризис. Состояние это, впервые описанное в 1959 году Э. Л. Брауном, наиболее часто возникает у мужчин, которым перевалило за пятьдесят, и выражается в занятом желании, чтобы с ними случилось что-то необыкновенное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Примечания

1

Объяснение этого и некоторых других малоизвестных слов дано автором в словаре в конце книги. – Здесь и далее примеч. пер.

2

Имеется в виду американский футбол, для игры в который требуется крепкое, массивное тело.

3

Танатофобия – страх смерти.

4

Колдуэлл, Джэнет Тейлор (1900–1985) – англо-американская писательница, автор множества популярных романов, часто использовавшая в своих произведениях реальные исторические события или реально существовавших людей.

5

Аутизм – психическое заболевание, выраженное в оторванности от внешнего мира и полной погруженности в свой собственный мир.

6

Кататония – психическое состояние, при котором больной почти не двигается и ни на что не реагирует.

Купить: https://tellnovel.com/bryuer_dzhin/planeta-ka-peks

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)